Могильщик

Автор:
Алексей Сухаров

Могильщик

Алексей Сухаров

Персона нелюдимого могильщика собирает вокруг себя самые разные слухи среди деревенских жителей. Правдивы ли они? Кто знает. Он же, не обращая на пересуды внимания, скромно живет в каморке на кладбище, слушает кантри-музыку и поддерживает покой павших рутинной, необходимой работой. Но иногда – совсем нечасто – в его тихую обитель наведываются непрошеные гости… Содержит нецензурную брань.

Алексей Сухаров

Могильщик

Прохладный порывистый ветерок обдувает мою заросшую седую голову, но я на него не в обиде – напротив, я ждал этих резких, облагораживающих и очищающих, дуновений и спешил с ними повидаться. Поднявшееся час назад солнце постепенно набирает силу и мягко пригревает землю и распустившиеся листочки деревьев. Раннее лето и раннее утро – моя любимая пора. С ней у меня связано множество воспоминаний, а воспоминания, к слову сказать, – часть моей профессии. Я – могильщик и смотритель в одном лице. Я стою, обдуваемый прохладным ветром и согреваемый мягким солнцем, и окидываю потерявшим с годами остроту взором свое маленькое и уютное кладбище.

Позади меня сейчас – моя каморка, в которой я провел так много времени за последние несколько лет. Можно с уверенностью сказать, что она давно стала моим домом. Привыкшему к комфорту современному горожанину может

показаться, что жить в такой малогабаритной избушке – удовольствие не из приятных, однако он будет не прав. Дело привычки и индивидуальных предпочтений. Мне бы вот совсем не понравилось плутать в многокомнатной квартире, большая часть пространства которой с толком никогда не используется. Моветон, только и всего. А вот когда мы умираем, нас насильно помещают в слишком уж тесное жилище, но никто и не думает жаловаться. По крайней мере, я никогда не слышал. А все потому, что люди переходят в то состояние, когда всяческие излишества уже не имеют никакого значения.

На самом деле, в каморке всего хватает для жизни и приятного времяпрепровождения. От подстанции неподалеку я получаю электричество, которого достаточно для работы настольной лампы и плитки с чайником. На столике я завариваю травяные чаи и готовлю простейшую еду – лапшу, яичницу и крупы. Летом собираю ягоды и грибы. Радио, пусть иногда и с помехами, исправно ловит музыку кантри и разговорные жанры. Пацан-сирота, что подрабатывает почтальоном, приносит мне свежую газету каждую пятницу. Пока он объезжает адреса поблизости на своем стареньком велосипеде с корзинкой, я ее прочитываю, расправив на столике с лампой, а когда возвращается, чтобы осчастливить адреса на другой стороне, отдаю обратно. Ему это нетрудно, а я узнаю новости из внешнего мира. Мира, который мне никогда не нравился, но с которым, так или иначе, иногда сталкиваешься.

Зимой, конечно, сложнее, но это неудивительно – многое в природе умирает, а смерть, и это я знаю слишком хорошо, не является вещью простой, особенно для оставшихся в живых. Небольшая печурка в углу еле-еле согревает каморку, получающегося тепла хватает ненадолго, поэтому в течение длинной и темной ночи несколько раз встаешь и подбрасываешь дровишки. Но самое трудное – копать в мороз. Промерзшая земля с трудом поддается, приходится в буквальном смысле выколачивать могилу, как скульптор обивает камень. Хорошо только то, что в зимнее время таких случаев бывает немного. Оставшиеся в живых впадают в спячку, и даже стремление на тот свет обычно может подождать до лучших времен.

Иногда, после особенно трудного погребения, я отправляюсь поздно вечером в деревню, иду прямиком в грязный, темный и липкий трактир на ее окраине и заказываю там несколько кружек чего-нибудь покрепче. По правде говоря, я терпеть не могу эти визиты: вся шумная орава здоровых, бородатых мужиков и их краснокожих от перетянутых корсетов и румян барышень тут же затихает до состояния могильной тишины, как только моя шляпа с широкими полями

оказывается на вешалке у входа в забегаловку. Ни веселого звона бьющихся друг в друга стаканов, ни рабочих залихватских песен, ни бурной брани пьяных конфликтов, ни хмельных стонов по умершему в углу – ничего. Все кабацкое разноголосие замирает, и я, сопровождаемый безмолвными взглядами со всех сторон, вышагиваю к барной стойке. Крепкое пиво или полынная водка – не имеет значения. Я пью то, что наливает хозяин трактира прямо за стойкой или приносит к занятому мной низкому, как табурет, столику официантка Мари, восемнадцатилетняя обладательница косы на бок и пышной груди, и не задаю лишних вопросов. Да, спустя две или три порции я могу услышать возбужденный шепот по соседству, но только: общество завсегдатаев заведения не возвращается к прежней жизни вплоть до того момента, пока я, слегка покачиваясь, не перешагну порог трактира и не исчезну во мраке ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/suharov_aleksey/mogil-schik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить